

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ НА ВЫЧЕГДѢ.

I.

И ОДНОМУ, кажется, уголку Россіи не посчастливилось такъ въ «политическомъ» отношеніи, какъ далекому Вычегодскому краю въ наши дни. Три уѣзда Вологодской губерніи—Сольвычегодскій, Яренскій и Устьсысольскій, занимающіе огромное пространство въ бассейнѣ рѣки Вычегды, отъ Сѣверной Двины до Печоры, вдругъ сразу политически оживились, благодаря мудрымъ мѣропріятіямъ администраціи. Три большихъ уѣзда были наводнены массою политическихъ ссыльныхъ всевозможныхъ партій, толковъ, направленій, оттѣнковъ, конечно, исключительно съ «лѣваго» фланга. Счастливая Вычегда такъ и не познакомилась съ черносотенцами и другими «правыми» фракціями, если не считать своихъ, доморощенныхъ представителей послѣднихъ.

Администрація, увѣренно толкующая, что «политики развращаютъ населеніе», сама же содѣйствовала всячески политическому «разврату», посылая въ Вычегду сотни и тысячи «политиковъ» (такъ зовутъ здѣсь политическихъ ссыльныхъ). Разумѣется, власти прекрасно понимаютъ, что какой надзоръ ни устраивайте за политиками, какія мѣры ни принимайте для огражденія населенія отъ «вредныхъ идей», послѣднія сами волею-неволею просочатся куда слѣдуетъ и произведутъ гдѣ надо надлежащее впечатлѣніе,

которое уже никакими самыми драконовскими мѣрами не вытравившись потомъ изъ обывательскихъ головъ...

И все же политическая колонизація края шла неудержимо, какъ-то стихійно. Лѣтъ шесть назадъ въ крошечномъ городкѣ Яренскѣ, имѣющемъ всего восемьсотъ жителей, ссыльныхъ было больше девятисотъ человѣкъ!.. Въ гор. Сольвычегодскѣ, при 1200 человѣкъ населенія, ссыльныхъ было тоже девятьсотъ человѣкъ. А въ гор. Устьсыольскѣ, самомъ населенномъ на Вычегдѣ (около пяти тысячъ жителей), ссыльныхъ было всего триста человѣкъ. Столько же ихъ было и въ Устюгѣ, городѣ, еще больше населенномъ (до двѣнадцати тысячъ). Очевидно, никакой системы тутъ не придерживались, а наводняли города ссыльными зря, какъ попало, до пресыщенія, пока мѣстная администрація не задерживала этотъ неудержимый потокъ.

Теперь число ссыльныхъ въ вычегодскихъ городкахъ уменьшилось до приличной нормы (въ Яренскѣ до пятидесяти человѣкъ и т. д.), частью за освобожденіемъ ихъ и возвращеніемъ на родину, а также влѣдствіе выселенія ссыльныхъ въ села и деревни. Очевидно, администрація спохватилась, что города уже достаточно насыщены политикой, а деревни отстали отъ нихъ...

Скромный доселѣ край, совершенно чуждый прежде всякой политики, теперь насыщенъ ею достаточно, благодаря именно вольному и невольному вліянію ссыльныхъ. Это вліяніе сказалось не только въ подъемѣ политическаго сознанія среди мѣстнаго населенія, но и въ ростѣ всякихъ культурныхъ начинаній. Въ междѣжьихъ углахъ стала бродить книга, появились газеты, заработали фотографіи и пр. На Вычегдѣ до появленія ссыльныхъ не знали булочныхъ, кухмистерскихъ, парикмахерскихъ и т. д. Ссылные научили обывателей готовить разнообразныя кушанья (любители-гастрономы попадали со всѣхъ концовъ Россіи), приучили сдавать квартиры со столомъ, носить мягкое бѣлье и т. п.

Нельзя отрицать, что въ ссылкѣ находилось немало отрицательныхъ элементовъ, особенно въ началѣ послѣдней «смуты», когда подъ видомъ и клнчкою «революціонеровъ» ссылались всякаго рода хулиганы и отбросы революціи и разные подозрительные субъекты, которые могли только отрицательно вліять на мѣстное населеніе и отталкивать его отъ себя. Но въ послѣднее время ссылка очистилась отъ этихъ нежелательныхъ элементовъ, и въ ней стали преобладать ссылки изъ партійныхъ и профессиональных дѣятелей—публики сортомъ много повыше и почище. Именно эти ссылки оказываютъ большое и благотворное вліяніе на мѣстныхъ жителей, которые отлично разбираются въ своихъ невольныхъ сожителяхъ и къ лучшимъ ихъ элементамъ относятся съ нескрываемыми симпатіями.

Естественный вопросъ о томъ, почему «хорошіе люди» страдаютъ въ ссылкѣ, наводитъ обывателей на очень грустныя размышле-

нія... Ссылнымъ явно сочувствуютъ и относятся къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. При постоянномъ общеніи съ зырянами (аборигены края) за много лѣтъ извѣстенъ единственный случай столкновенія ихъ съ ссылкоймъ грузиномъ, да и то произошло только потому, что его приняли за цыгана.

Когда схлынула первая волна «революціоннаго сброда», политическіе ссылкине сумѣли объединиться и даже сорганизоваться для цѣлей самообразованія и благотворительности. Стали выписывать книги, журналы, газеты, оказывать другъ другу денежную и всякую иную помощь, поддержку. У нихъ образовалась своя этика съ довольно значительно повышенными требованіями, ставящими ссылныхъ много выше обычнаго нравственнаго уровня провинціальныхъ обывателей. Напримѣръ, ссылкане этика запрещаетъ не только ссоры между ссылкойными, но и простые споры. Мало того: бесѣдуя какъ другъ съ другомъ, такъ и съ обывателями, ссылкане не должны даже голоса возвышать... При отъѣздѣ они должны обязательно уплачивать долги, а за непущихъ платить кружокъ товарищей. Много и другихъ симпатичныхъ правилъ ввели ссылкане въ сношенія между собою и съ обывателями.

Именно эти организаціи и товарищеское объединеніе спасаютъ ссылныхъ отъ физической и нравственной гибели, неизбежной для нихъ по смыслу закона, предписывающаго имъ обязательное ничегонедѣланіе: казенная и общественная служба для нихъ закрыта, а изъ частныхъ занятій не всё имъ доступно, да и то только по милости и снисхожденію начальства...

Между тѣмъ казна отпускаетъ ссылкойму самое нищенское содержаніе: одиннадцать рублей въ мѣсяць лицамъ высшихъ сословій и восемь рублей простонародью. Да еще выдаютъ такъ называемыя «одежныя деньги»—отъ тридцати до пятидесяти рублей въ годъ.

На вычегодскомъ пароходѣ «Сольвычегодскъ» былъ въ числѣ пассажировъ пожилой жандармскій чинъ, совершавшій служебную командировку и вмѣстѣ съ тѣмъ весенній променажъ, съ участіемъ въ послѣднемъ и его молодой супруги. Разсуждая съ пассажирами о политическихъ ссылкойныхъ, жандармскій офицеръ увѣрялъ, что они «вполнѣ обезпечены содержаніемъ отъ казны, получая, кромѣ мѣсячнаго пособія, еще сто пятьдесятъ рублей (sic) въ годъ на платье»...

Когда я передавалъ это ссылкойму (освобожденнымъ отъ ссылкии и возвращавшимся на пароходѣ домой), они недоумѣвали, увѣряя, что никогда и нигдѣ не слыхали о такихъ крупныхъ (до ста пятидесяти рублей) выдачахъ «одежныхъ денегъ». Въ рѣдкихъ случаяхъ послѣднія достигали пятидесяти рублей, а чаще спускались много ниже. Да и эти скромныя выдачи «зависятъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго начальства», т. е. оно можетъ выдать и больше, и меньше (въ предѣлахъ пятидесяти рублей), а то и ничего не выдать. Очевидно,

жандармскій чинъ фантазировалъ, разводя небылицы предъ неосвѣдомленными пассажирами...

Понятно, что на нищенское пособіе отъ казны ссыльнымъ невозможно прожить даже въ захолустномъ Вычегодскомъ краѣ, при невозможности подрабатывать что-нибудь службою, уроками и т. п. Поневоля всѣ живутъ собственно на пособія отъ родныхъ и на субсидіи товарищескихъ кружковъ. Въ кассы послѣднихъ обязательно вносятся ссыльными извѣстный процентъ со всякой получки изъ дому, изъ заработка (если такіе рѣдкіе случаи бываютъ) и т. п. Рѣдко кому удается обезпечить себя, занявшись какимъ-либо торговымъ или промышленнымъ дѣломъ или поступивши на частную службу, спросъ на которую очень не великъ въ этихъ медвѣжьихъ углахъ.

Не легко живется ссыльнымъ отъ произвола мѣстной администратіи. Въ двухъ, рядомъ расположенныхъ по Вычегдѣ уѣздахъ наблюдаются совершенно противоположныя отношенія къ ссыльнымъ. Исправникъ одного уѣзда, очень порядочный и развитой человѣкъ, относится къ ссыльнымъ вполне порядочно и справедливо, не выходя изъ рамокъ закона. Онъ не жметъ ссыльныхъ, не стѣсняетъ доступной имъ свободы, не позволяетъ «надзирающимъ» (особый институтъ по надзору за ссыльными) черезчуръ ретиво наблюдать и нагло вторгаться въ частную жизнь наблюдаемыхъ, снисходительно относится къ невиннымъ уклоненіямъ отъ инструкцій—къ кратковременнымъ отлучкамъ ссыльныхъ изъ города, къ прогулкамъ въ лѣсу, на рѣкѣ и т. п.

И всѣ ссыльные относятся къ этому хорошему и справедливому человѣку съ полнымъ уваженіемъ (при встрѣчахъ обязательно кланяются), подчиняясь всѣмъ его распоряженіямъ, указаніямъ, совѣтамъ и не позволяя себѣ ничего, что могло бы подвести исправника подъ отвѣтственность. Въ этомъ городѣ не было ни одного случая не только побѣга ссыльныхъ, но хотя бы покушенія на то. Ссыльные не запомнятъ здѣсь ни одного, хотя бы самага пустого столкновенія съ исправникомъ и его подчиненными. Обѣ стороны живутъ мирно, спокойно, вполне порядочно и безъ всякаго нарушенія требованія закона, а съ другой стороны и безъ всякихъ ухаживаній другъ за другомъ, безъ амикошонства и подлизываній.

А въ сосѣднемъ уѣздѣ наблюдается совершенно иная и очень печальная картина. Тамашній исправникъ находится въ постоянной войнѣ съ ссыльными. Вѣчные раздоры, столкновенія, непріятности идутъ тамъ изо дня въ день. Почти всегда нѣскольکو ссыльныхъ сидятъ подъ арестомъ «за непослушаніе», подъ которое подводится все, что угодно начальству: и требованія невыданныхъ денегъ, и прогулки въ лѣсу (а городокъ окруженъ лѣсами, и улицы упираются прямо въ лѣсъ), и появленіе на пароходной пристани (что

запрещается ссылкой), и т. п. «преступленія». Исправникъ обращается съ ссылными грубо, рѣзко. И они платятъ ему при столкновеніяхъ тою же монетою, а при случайныхъ встрѣчахъ въ болѣе мирное время не замѣчаютъ его, не кланяются и демонстративно отворачиваются. Обѣ стороны волнуются, вѣчно находясь въ открытой борьбѣ. Многіе ссылные не выдерживали этой каторги и бѣжали. Другіе добились перевода въ сосѣдній городокъ и такъ отдохнули отъ всѣхъ ужасовъ режима вычегодскаго владѣтеля. Иные съ радостью ушли отъ него въ самые медвѣжьи углы уѣзда.

Нигдѣ институтъ гг. «надзирающихъ» за ссылными не держитъ себя такъ нагло и вызывающе, какъ у этого исправника. Не знаю, изъ какихъ подонковъ набирается сей институтъ, но права ему даны чрезмѣрные и страшно раздражающія ссылныхъ. Оказывается, что «надзирающимъ» поручается не одинъ виѣшній надзоръ за цѣлостію ссылныхъ (т. е., чтобы они всѣ были налицо, не сбѣжали), но и внутренній—за ихъ домашнею жизнью. А на этой послѣдней почвѣ творятся возмутительныя вещи, рассчитанныя на явное издѣвательство надъ личностію безправныхъ людей...

Въ любую минуту къ ссылному имѣеть право ворваться субъектъ, котораго вы, будучи свободнымъ человѣкомъ, и на порогъ къ себѣ не пустили бы... А онъ не только ворвется, но имѣеть право часами сидѣть въ комнатѣ ссылнаго и ссылной и станеть «наблюдать», что они дѣлають, читають, говорятъ. Онъ можетъ рыться въ ихъ книгахъ, бумагахъ, вещахъ. Онъ будетъ ходить за вами живою тѣнью, и вы не въ силахъ его прогнать, уйти отъ него, спрятаться. Гоните его, ругайте, усовѣщевайте, а онъ будетъ сидѣть, ходить, молчать и «наблюдать»...

Войдите въ положеніе ссылныхъ, опекаемыхъ такимъ образомъ, и вы согласитесь, что тутъ ангелъ во плоти способенъ превратиться въ звѣря... Это уже не надзоръ и слѣжка, а прямое, самое открытое издѣвательство надъ живыми, но безправными людьми, придуманное ради самаго издѣательства, ибо никакихъ практическихъ цѣлей такой «надзоръ» не добьется: все, что желательно скрыть, всегда будетъ скрыто отъ самаго нахальнаго «надзирающаго».

Сомнительно, чтобы этотъ инквизиторскій институтъ былъ установленъ русскими законами, не отличающимися нарочитою жестокостію. Скорѣе онъ введенъ россійскимъ «циркулярнымъ правомъ», а осуществленъ мѣстными инквизиторами. По крайней мѣрѣ, въ другихъ ссылныхъ мѣстахъ не приходилось слышать ни о чемъ подобномъ вычегодскому институту «надзирающихъ».

III.

И безъ инквизиторскихъ замашекъ нѣкоторыхъ вычегодскихъ администраторовъ политическимъ ссылнымъ нелегко живется, особенно въ деревенской глуши, среди зырянскаго населенія. Вы-

чегодскіе зыряне (въ противоположность печорскимъ, болѣе зажиточнымъ) очень грязны, неряшливы, нечистоплотны. Хотя банями они пользуются, но всегда, лѣто и зиму, спятъ въ верхнемъ платьѣ и оттого разводятъ въ избахъ массу всякаго «звѣрья». Когда ссыльные, вынужденные жить въ зырянскихъ избахъ, жалуются хозяевамъ на насѣкомыхъ, зыряне отвѣчаютъ: «насъ они не трогаютъ»...

Живя въ такой нечисти, ссыльные и кормятся плохо, такъ какъ зыряне ѣдятъ скудно, невкусно и несытно. Дичь они ѣдятъ, а куръ «не принято» ѣсть. Купить у нихъ куръ, яицъ, масла и пр. почти нельзя—тоже «не принято» продавать.

Отхожіе промыслы зырянъ (земля ихъ не можетъ прокормить), конечно, не содѣйствуютъ народному здравію и крѣпости семейныхъ началъ. Зырянки, большую часть года остающіяся дома безъ мужей, не отличаются строгостью нравовъ. Да и мужья, конечно, пошаливаютъ на уральскихъ заводахъ (главный отхожіи промыселъ зырянъ), заполучая тамъ сифилисъ и распространяя его дома. Въ послѣднемъ, однако, немало винятъ и матросовъ, возвращающихся домой съ морской службы (зырянъ охотно берутъ во флотъ).

Все это, разумѣется, такъ или иначе отражается на ссыльныхъ, вынужденныхъ жить въ тѣсномъ общеніи съ зырянами. Зато ссыльные съ удовольствіемъ констатируютъ, что въ духовномъ отношеніи зыряне очень способный къ развитію народъ. Ряды зырянской интеллигенціи быстро растутъ. Духовенство изъ зырянъ насчитываетъ уже по два и по три поколѣнія. Немало есть народныхъ учителей и учительницъ изъ зырянъ. Есть медики, чиновники и другіе интеллигентные зыряне. Называли талантливаго художника зырянина, посланнаго недавно академіей художествъ за границу.

На рѣкѣ Выми (притокъ Вычегды, сближающійся съ притоками нефтеносной рѣки Ухты) наблюдается любопытное явленіе, повторяющееся и въ другихъ мѣстахъ (особенно въ Сибири), гдѣ русскіе давно соприкасаются съ инородцами: русскіе крестьяне на Выми значительно озырянились, говорятъ смѣшаннымъ русско-зырянскимъ нарѣчіемъ, переняли нѣкоторые обычаи зырянъ и проч.

Разумѣется, общеніе съ зырянской интеллигенціей нѣсколько скрашиваетъ тяжелую подневольную жизнь ссыльныхъ въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ края. А здѣсь попадаются такіе глухіе углы, о которыхъ ссыльные не могутъ вспоминать безъ ужаса. Вотъ, на примѣръ, Удорскій край (упоминаемый въ большомъ императорскомъ титулѣ) Яренскаго уѣзда. Это огромная низина, покрытая лѣсами и болотами, откуда берутъ начало многія рѣки—Удора, Пинега, Яренга и др. Край богатъ прекрасными лѣсами, рыбой, звѣремъ, но край очень глухой, пустынный, крайне бѣдный населеніемъ, по преимуществу охотничьимъ. Малые поселки разбросаны по лѣсамъ на большихъ разстояніяхъ. Добраться къ нимъ возможно собственно только зимою, когда болота и рѣки замерзнутъ. Лѣтомъ

же Удорскій край почти отовсюду отрѣзанъ болотами и непроходимыми, дѣвственными лѣсами.

Одинъ счастливецъ изъ освобожденныхъ ссыльныхъ Удорскаго края, получивши освобожденіе весною, не могъ дожидаться зимы и смѣло тронулся въ путь по невѣроятнымъ удорскимъ «дорогамъ». Онъ все преодолѣлъ и попалъ въ селѣ Усть-Выми на нашъ пароходъ, измучившись въ конецъ и, видимо, разстроивши здоровье, еще раньше подорванное многолѣтнимъ прозябаніемъ на Удорѣ. Чтобы имѣть понятіе о томъ, что онъ перенесъ въ пути, достаточно сказать, что въ одномъ мѣстѣ ему пришлось «сорокъ верстъ итти въ водѣ по колѣно»... Такъ сильна была въ немъ жажда поскорѣе воспользоваться первыми днями свободы и вырваться изъ той трущобы, гдѣ нѣсколько лѣтъ онъ провелъ почти въ полномъ одиноществѣ и отчужденіи отъ всего міра, среди всевозможныхъ лишеній, физическихъ и духовныхъ.

Тяжелы были рассказы освобожденныхъ ссыльныхъ объ ихъ горькомъ житьѣ-бытьѣ, но зато какъ они были счастливы въ первые дни свободы... Южанинъ, изучившій всѣ прелести Удорскаго края, стремился къ старушкѣ-матери, на благословенный югъ, надѣясь тамъ оправиться отъ пережитыхъ ужасовъ. Другой южанинъ, освобожденный изъ гор. Устьсыольска, былъ на пути въ Малороссію, но долженъ былъ еще задержаться на нѣкоторое время въ Вологдѣ.

Какъ ни тяжела для ссыльныхъ жизнь въ суровомъ Вычегодскомъ краѣ (особенно для южанъ), но многолѣтняя ссылка невольно сближаетъ ихъ съ краемъ. Нѣкоторые настолько акклиматизируются, что и послѣ освобожденія остаются на Вычегдѣ, особенно если имъ пришлось обзавестись здѣсь семьей. На пароходѣ ѣхалъ одинъ изъ такихъ освобожденныхъ, волею-неволею оставшійся на мѣстѣ ссылки, женившійся тутъ и даже привязавшійся къ этому своеобразному краю. Какъ юристъ, онъ сдѣлался частнымъ ходатаемъ по дѣламъ, состоитъ юрисконсультомъ одной мѣстной торговой фирмы и имѣетъ значительную практику.

Разсказывая, за какіе пустяки онъ вылетѣлъ въ ссылку и какъ по этому поводу воевалъ съ прокурорскимъ надзоромъ, между прочимъ онъ упомянулъ о такомъ курьезѣ. Сидя подъ арестомъ и скучая отъ бездѣлья, онъ шутки ради написалъ «прошеніе датскому королю» (sic), жалуясь на незаконный арестъ и проч. И прокурорскій надзоръ, не мудрствуя лукаво, принялъ это невозможное прошеніе и «пріобщилъ оное къ дѣлу»... Былъ ли данъ какой ходъ прошенію—неизвѣстно, но что оно осталось въ дѣлѣ окружнаго суда—это фактъ. Будущій историкъ нашихъ дней, роясь въ архивѣ того суда, гдѣ хранится это курьезное прошеніе, станетъ втушикъ передъ этимъ фактомъ, какъ бы выхваченнымъ изъ сатиръ Щедрина...

Н. Н. Оглоблинъ.

